

Анна Матвеева

Анна Матвеева

**ДЕВЯТЬ
ДЕВЯНОСТЫХ**

9/90

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АСТ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М33

Оформление переплета и макет — *Андрей Рыбаков*

Матвеева, Анна Александровна.

М33 Девять девяностых : [рассказы] / Анна Матвеева. — Москва : Издательство АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2016. — 346, [6] с. — (Проза: женский род).

ISBN 978-5-17-093140-8

Анна Матвеева — прозаик, автор романов «Завидное чувство Веры Стениной», «Перевал Дятлова, или Тайна девяти», «Небеса», «Есть!», сборника рассказов «Подожди, я умру — и приду»; финалист премии «Большая книга» и премии имени Юрия Казакова, лауреат итальянской премии Lo Stellato за лучший рассказ года.

Героев новой книги застали врасплох девяностые: трудные, беспутные, дурные. Но для многих эти годы стали «волшебным» временем, когда сбывается то, о чем и не мечталось, чего и представить было нельзя. Здесь для сироты находится богатый тайный усыновитель, здесь молодой парень вместо армии уезжает в Цюрих, здесь обреченной на бездетность женщине судьба все-таки посылает ребенка, а Екатеринбург легко может превратиться в Париж...

Победитель читательского голосования премии «Большая книга».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-093140-8

© Анна Матвеева
© ООО «Издательство «АСТ»

Анна Матвеева

**ПЕРЕВАЛ ДЯТЛОВА,
или ТАЙНА ДЕВЯТИ**

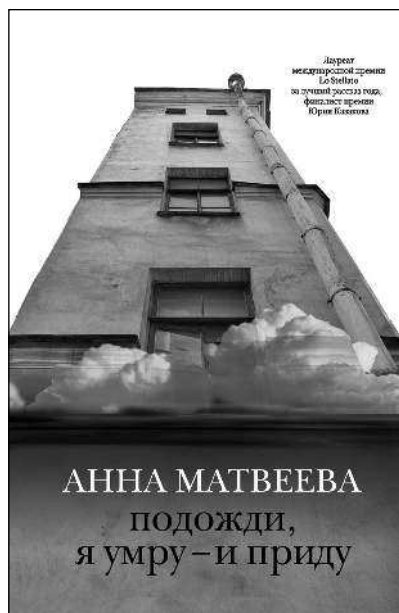

Анна Матвеева стала первой, кто написал о таинственном происшествии, случившемся в хмурых, полных мистики горах северного Урала. Зимой 1959 года группа студентов отправилась в поход и... пропала. Их искали долго, а когда нашли погибшими у Горы мертвецов, загадок только прибавилось. Версий возникло множество, но что на самом деле произошло в ту ночь на перевале Дятлова — неизвестно до сих пор.

«На одном из ночлегов, уже в темноте, стряслось что-то страшное... Они вспороли палатку, выбежали на мороз кто одетый, а кто в носках и помчались вниз по склону, унося раненых друзей... Никто не спасся. Ни один не дождался рассвета. Но все, кто остался в сознании, боролись как львы. И мёртвые снега сохранили “динамические” позы людей, ползущих к брошенной палатке...»

Алексей Иванов

Анна Матвеева
ПОДОЖДИ, Я УМРУ — И ПРИДУ

Анна Матвеева — автор романов «Перевал Дятлова», «Небеса», «Есть!». Ее рассказы публиковались в журналах «Новый мир», «Звезда» «Сноб», входили в шорт-лист премии имени Юрия Казакова.

Герои историй Анны Матвеевой настойчиво ищут свое время и место. Влюбленная в одиннадцатиклассника учительница грезит Англией. Мальчик надеется, что родители снова будут вместе, а к нему, вместо выдуманного озера на сцене, вернется настоящее, и с ним — прежняя жизнь. Незаметно повзрослевшая девочка жалеет о неслучившемся прошлом, старая дева все еще ждет свое невозможное будущее. Жена неудачливого писателя обманывается мечтами о литературном Парнасе, а тот видит себя молодым, среди старых друзей. «Ведь нет страшнее, чем узнать свое место и время». Не менее страшно — знать, и не уметь его найти.

Анна Матвеева

ЗАВИДНОЕ ЧУВСТВО ВЕРЫ СЕНИНОЙ

Анна Матвеева — автор бестселлера «Перевал Дятлова», сборников рассказов «Подожди, я умру — и приду» (шорт-лист премии «Большая книга»), «Девять девяностых» (лонг-лист премии «Национальный бестселлер»). Финалист «Премии Ивана Петровича Белкина», лауреат премии «Lo Stellato» (Италия). Произведения переведены на английский, французский, итальянский языки.

В новом романе «Завидное чувство Веры Сениной» рассказывается история женской дружбы-вражды. Вера, искусствовед, мать-одиночка, постоянно завидует своей подруге Юльке. Юльке же всегда везет, и она никому не завидует, а могла бы, ведь Вера обладает уникальным даром — по-особому чувствовать живопись: она разговаривает с портретами, ощущает аромат нарисованных цветов и слышит музыку, которую играют изображенные на картинах артисты...

Роман многослоен: анатомия зависти, соединение западноевропейской традиции с русской ментальностью, легкий детективный акцент и — в полный голос — гимн искусству и красоте.

Памяти моего брата Константина

Жеымо

Я родился в самом начале восьмидесятых, в Свердловске, в бараке на улице Гурзуфской. Под окном нашей комнаты висел, как полковой барабан, громадный оцинкованный таз. Выбором времени и места рождения судьба сообщила, что в жизни моей не случится не только особенного успеха, но и простого человеческого счастья, которое принято считать его допустимой заменой.

Сейчас, когда те годы, мои детские времена, уже затянуло романтическим туманом, я вспоминаю моменты совершенной радости, которые приходят даже к одинокому и несчастному ребенку.

Один из них — качели. Они стояли во дворе дома номер семь, по соседству с нашим бараком. Новостройка заняла недавний пустырь и выглядела на фоне скромных пятиэтажек, будто атомный ледокол «Ленин» среди самодельных лодочек. У седы-

мого дома был породистый бордово-серый окрас, квартиры хитрой планировки и, предмет главной зависти окружающих, — лоджии. Каждый житель нашего района, где до прихода человека строящего дремали вековые болота, гордился этим домом — его даже удостоили особого имени. Семёра. В те времена было модным упрощать и огрублять даже самые ласковые и красивые названия: наш район звался «Посадом» в честь улицы Посадской, ближайший кинотеатр «Буревестник» местные переименовали в «Бурелом». Семёра существует по сей день — как постаревшая красавица, прикрывает морщинистые стены и тусклые окна нарядами деревьями. Вот только качелей, любимой моей «березки», больше нет.

Эти качели были выкрашены белым цветом, а поверху, тонкой кисточкой, мастер изобразил трещины в берёсте, черные штрихи, похожие на арифметические знаки равенства. Равенством во дворе притом не пахло — все знали, что качели поставлены здесь не для барачных детей. И мне даже в голову не пришло бы качаться здесь днем или вечером.

Я приходил к «березке» ранним утром, задолго до первого урока. В нашей комнате спали четверо, и я знал, что после моего ухода в комнате появляется воздух — ведь тетка Ира постоянно говорила про меня:

— Дышать от него нечем! То спит, то ест!

Ветхий ранец прыгал на спине, как накладной горб, — я бежал к пустой площадке у качелей и напевал вначале тихо, а потом всё громче и громче любимый романс тетки Иры, который она исполняла после первой бутылки:

Сад весь умыт был весен-ни-ми ливнями,
 В тем-ных овра-гах стоя-ла вода.
 Боже, какими мы бы-ли наив-ны-ми,
 Как жемымо-лоды были тогда!

В бараке была приличная акустика, каждый звук падал хрустальной каплей, и не верилось, что тет-ка Ира, «техничка-алкоголичка», умеет так петь. Мне в этом романсе больше всего нравилось таин-ственное слово «жемымо». Было в нем что-то осо-бенное, соблазнительное, женственное. Может быть, даже — французское. Я не сразу понял, что «жемымо» — это слуховая обманка, но даже тогда не перестал любить это слово — оно, как пароль, открывало мир, который у меня однажды будет. Я не знал планов судьбы, но, мечтая о будущем, на-деялся, что однажды приеду во двор Семёры за ру-лем роскошной «девятки» цвета «мокрый асфальт». Прижавшись ранцем к спинке качельной сидушки, я отталкивался ногами и взлетал всё выше. Вместе со мною уносились вверх мои мечты.

Вот оно, будущее! Я небрежно кручу руль одной рукой, медленно останавливаясь у подъезда, где жи-вут мои враги-одноклассники Глеб Репин и Виталья Корнеев. Вот они — Репа и Корень будущего — выхо-дят из подъезда, одетые, как бичи из барака. То есть как тетка Ира, ее гражданский муж Василек, мой двоюродный брат Димка и я сам. Не знаю, почему в моих мечтах Репа и Корень менялись с нами одеж-дой — в раннем утреннем полете над пустынным дво-ром никто не требовал от меня логики и мотивации.

Вот я из будущего неторопливо опускаю тони-рованное стекло и строго, без улыбки, смотрю на бывших врагов.

Мое лицо в мечтах удивительно походило на лицо дяди Паши Петракова — гангстера по кличке Паштет. Паштет проживал в Семёре, и это был еще один повод для Репы с Корнем, чтобы задирать нос.

Паштет, как большинство свердловских бандитов, был нормальным советским пацаном, родом из спортивной секции. Много кто из них в детстве мечтал стать олимпийцем: быстро бегал, высоко прыгал и метко бил по чужим носам. Но когда на Урал пришли иные времена — точнее, не пришли, а дали с размаху по воротам тренированной ногой... То время перемен упало на пацанов так же внезапно, как ранняя звезда в песне Аллы Пугачевой (еще одна теткина любовь, шла сразу после «жемыво», но впереди многокуплетных песен, одна из которых мне нравилась больше других — про Сеню, который «с чувством долга удалился»). Страна получила *свободку*. Уралмаш, король заводов, на месте встал, раз-два. А профессиональный спорт сейчас же превратился в детское, несерьезное занятие. Впрочем, привычка тренироваться осталась — в любой тренажерке в те годы стояла очередь к каждому станку.

Цеховики шили варёнки и шапочки-«пидорки» из женских рейтуз, на рынках продавались корейские платья с кружевами-перьями — такого же химического цвета, как корейские соки. В узкую щель между Союзом и Западом падали первые плоды свободы — «марсы», «сникерсы», «баунти» и водка «Стопка». И вот тогда, на пути между ларьками — смыслом жизни эпохи ранних девяностых, и деньгами — смыслом жизни для многих во все времена, встали те парни, имя им легион. Почти весь леги-

он ныне — на кладбищах Екатеринбурга: Широко-реченском, Северном, Лесном... Лег он, легион.

Был среди бандитов, окормлявших пионеров коммерции, и наш дядя Паштет. «Ломал» деньги у коммерческих магазинов — «комков», крышевал рынки, при его участии даже был продан первый в области эшелон меди.

В мечтах я видел у себя героическое лицо Паштета — вот только, чтобы оценить эту героику, надо было смотреть на него обязательно в профиль. Линия лба Паштета переходила прямо в переносицу, не образуя никаких простонародных углов. А нижняя губа выезжала вперед, как ящик в сломанном комодe. Через много лет, когда я увидел портреты Габсбургов в Национальной галерее, то понял, на кого был похож герой моего детства.

Одет он был всегда безупречно — кожаная куртка, норковая шапка, темно-зеленые шароваристые штаны, белые «саламандры» и белые носки. Иных в те годы просто не носили — если у тебя были черные носки, ты как бы признавался в том, что не меняешь и не стираешь их каждый день.

Качели уносили меня всё выше. Милая моя «березка»! В такие минуты я забывал о том, что маму лишили родительских прав за пьянку, а папы я сроду не видел, но знал, что назвали меня по его желанию. Филипп — имя курчавого певца, похожего на пуделя Артемона: в пору моего детства он (певец, не пудель) еще не был так знаменит. Он дождался отрочества, чтобы бабахнуть всей своей славой — как из пулемета Дегтярева — по скромной жизни свердловского мальчика. «Киркорыч» — одно из самых частых моих прозвищ в те годы. И всё же,